

Глава IV. Учение Прудона

1. Общие замечания

1. Пьер-Жозеф Прудон родился в 1809 году, в Безансоне.

Сначала он был там и в других городах типографщиком.

Стипендия, выданная ему безансонской академией в 1838 году, дала ему возможность отправиться в Париж для научных занятий. В 1843 году он взял торговое место в Лионе.

В 1847 году оставил его и переехал в Париж.

С 1848 по 1850 год Прудон издавал в Париже различные газеты. В 1848 году он был членом Национального собрания.

В 1849 году основал народный банк. Немного спустя после этого он был присужден за нарушение законов печати к трехлетнему заключению, которое и отбыл в Париже, не оставляя своей литературной деятельности.

В 1852 году Прудон был выпущен из заключения. Он остался в Париже, пока в 1858 году не был осужден за такое же преступление снова на три года тюремного заключения.

Он бежал и нашел убежище в Брюсселе. В 1860 году был помилован и опять возвратился во Францию. С этого времени Прудон жил в Пасси, где и умер в 1865 году.

Прудон напечатал много трудов в области философии права, экономики и политики.

2. Для учения Прудона о праве, государстве и собственности первостепенное значение имеет его книга «Qu'est-ce que la propriété? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement» (1840), а также двухтомное сочинение его «Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère» (1846); из книг периода 1848—1851 важны: «Confessions d'un révolutionnaire» (1849) и «L'idée générale de la révolution au XIXe siècle» (1851); наконец, среди сочинений, написанных после 1861 года, трехтомный труд «De la justice dans la révolution et dans l'Eglise, nouveaux principes de philosophie pratique» (1858) и сочинение «Du principe fédératif et de la nécessité de reconstituer le parti de la révolution» (1863)¹²².

Учение Прудона о праве, государстве и собственности претерпело впоследствии во второстепенных пунктах изменения, в главных же основаниях оно осталось верным себе; мнение, что оно было изменено и в своих главных пунктах, вытекает из произвольного и

неустойчивого словоупотребления Прудона. Так как здесь не может быть изложена история развития учения Прудона, то по отношению к этим второстепенным пунктам мы ограничиваемся его учениями с 1848 до 1851 года, в которых он особенно явственно развил свои взгляды и особенно сильно за них боролся.

3. Прудон называет свое учение о праве, государстве и собственности анархизмом. «Какой форме правления мы должны отдать предпочтение? — Разве об этом может быть вопрос? — ответит мне один из моих молодых читателей. — Вы республиканец! — Республиканец, конечно, но это слово слишком неопределенно. *Res publica* означает общее дело; потому и тот, кто, независимо от формы правления, защищает общее дело, может назвать себя республиканцем. Ведь и короли также республиканцы. — Так вы, конечно, демократ? — Нет. — Как, неужели вы монархист? — Нет. — Либерал? — Боже сохрани. — Ну, так аристократ? — Ни в каком случае. — Вы хотите смешанного правления? — Еще менее. — Но в таком случае, что же вы, собственно, такое? — Я анархист»¹²³.

2. Основные положения

Согласно Прудону, самым высшим для нас законом является справедливость.

Что такое справедливость? «Справедливость — это непосредственно ощущаемое и взаимно охраняемое уважение к человеческому достоинству, где бы и у кого бы оно ни подвергалось опасности и чего бы нам ни стоила его защита»¹²⁴.

«Я должен относиться к моему ближнему с таким же почтением, как к самому себе, и по мере возможности добиваться этого и от других: это повелевает мне моя совесть. Почему я другому обязан оказывать это уважение? За его силу, его дарование и его богатство? Нет, это все внешности, которые я не должен уважать в человеке. Или, может быть, за то уважение, которое он оказывает мне? Нет, справедливость стоит ведь выше этой побудительной причины. Она не ожидает взаимности, но уважает человеческое достоинство даже в неприятеле; и благодаря этому существует военное право; даже в убийце, которого мы убиваем, потому что он не представляется нам больше человеком; и отсюда вытекает уголовное право. Я уважаю в ближнем не то, чем его наделила природа или чем украсило счастье: ни его быка, ни осла, ни его рабу, как сказано в десяти заповедях; а также и не то добро, которое я ожидаю от него в возмездие; я уважаю его человеческое свойство»¹²⁵.

«Справедливость — это действительность и в то же время идея»¹²⁶. «Справедливость — это сила нашей души, а именно, самая высокая из всех, та сила, благодаря которой мы становимся социальными существами. Но она не только сила, она в то же время идея, отношение, уравнение. Как сила, она способна к развитию, а в ее развитии заключается воспитание человечества; как уравнение она не содержит в себе ничего изменчивого, произвольного или противоречивого; она безусловна и неизменна, как и всякий закон, и, как всякий закон, она доступна всеобщему пониманию»¹²⁷.

Справедливость для нас высший закон: «Справедливость есть неприкосновенный масштаб всех человеческих поступков»¹²⁸. «Благодаря ей могут быть определены и регулируемы

неопределенные по своей природе и противоречивые факты общественной жизни»¹²⁹.

«Справедливость — это главенствующая звезда, которая находится в центре всякого общества; полюс, вокруг которого вращается политический мир; фундамент и руководящая нить всех общественных дел. Все в среде людей совершается во имя права, и ничего — без призыва к справедливости»¹³⁰. Справедливость не является созданием закона; напротив того, закон есть всего только распространение и применение справедливости. «Положим, что в обществе, хотя бы незначительно, выше закона справедливости поставлен другой закон, например религиозный, или, что некоторым членам общества оказывается, тоже в самой малой степени, предпочтение перед другими, — тогда общество, вследствие нарушения справедливости, неизбежно должно рано или поздно погибнуть»¹³¹.

«Свойством справедливости является то, что она внушает непоколебимую веру, и что теория не может ее ни отрицать, ни отвергать. Все народы призывают к ней; государственная мудрость опирается на нее даже тогда, когда действует против нее; религия существует только благодаря ей; скептицизм исчезает перед ней; ирония обязана ей своей силой; преступление и лицемерие покоряются ей. Если свобода не пустословие, она действует и проявляется только в пользу права; даже когда она возмущается против права, она, в сущности, не отрицает его»¹³². «Все то, что наша мудрость знает о справедливости, заключается в знаменитом изречении: «Делай ближнему своему то, чего желаешь себе, и не делай другому того, чего не желаешь себе»¹³³.

3. Право

I. Во имя справедливости Прудон отрицает не право, а почти что все отдельные правовые нормы, и именно, государственные законы.

Государство устанавливает законы, «и именно столько законов, сколько оно встречает общественных интересов. Но, так как таких интересов бесчисленное множество, то законодательная машина должна безостановочно работать. Градом сыплются законы и приказы на бедный народ. Политическая почва скоро будет вся покрыта бумажным покровом, который геологи должны будут назвать в истории земли периодом бумажной формации. Конвент в продолжении трех лет одного месяца и четырех дней издал одиннадцать тысяч шестьсот законов и приказов; конституционное и законодательное собрания издали не меньшее их количество. Империя и последующие правительства продолжали действовать в таком же направлении. В настоящее время свод законов должен содержать более пятидесяти тысяч законов; если бы наши народные представители исполняли вполне добросовестно свои обязанности, то законов стало бы скоро вдвое больше. Мыслимо ли, чтобы народ или даже само правительство было в состоянии разобраться в этом лабиринте?»¹³⁴ «Что должны представлять собой законы для того, кто самостоятельно мыслит и один только ответствен за себя! Для того, кто хочет быть свободным и чувствует себя способным к этому! Я готов заниматься обсуждением, но не хочу иметь законов; никаких законов я не признаю. Я ограждаю себя от всякого распоряжения, изданного относительно меня мнимым необходимым начальством. Законы! Мы знаем, что они такое и насколько они пригодны. Это паутинные ткани для сильных и

правлящих, неразрывные цепи для бедных и низших; это — рыболовные сети в руках правительства»¹³⁵.

«Надобность существует в немногих, но простых и хороших законах. Но как это возможно? Разве не должно правительство считаться со всеми интересами и решать все споры? Но интересы сообразно сущности общества бесчисленны; отношения постоянно меняются, и их разнообразие не имеет конца. Как тут можно обойтись немногими законами? Как это они могут быть несложными? Каким образом можно предупредить, чтобы самый лучший из них не сделался бы тотчас же отвратительным?»¹³⁶

II. Справедливость требует того, чтобы только одна правовая норма имела значение, именно та правовая норма, согласно которой договоры должны быть исполняемы.

Что такое договор? «Договор, — говорит Code civil в статье 1101,— есть такое соглашение, в силу которого одно или многие лица обязываются одному или многим лицам сделать нечто или не делать ничего»¹³⁷. «Для того чтобы я был свободным, следовал только своему собственному закону и лишь себе самому давал предписания, здание общества должно быть построено на идее договора»¹³⁸; «идея же договора должна быть для нас основной идеей всякой политики»¹³⁹. «Норма, состоящая в том, что договоры должны быть выполняемы, должна быть основана не только на своей собственной справедливости, но также и на том, что среди совместно живущих людей существует стремление в нужных случаях принудить силой к исполнению договоров»¹⁴⁰. Она должна быть, таким образом, не только требованием нравственности, но также и правовой нормой.

«Многие подобные тебе люди согласились между собой охранять свои права и быть преданными друг другу, т.е. соблюдать в своих отношениях те правила, которые одни только, по самой природе вещей, в состоянии в широких размерах принести им счастье, безопасность и мир. Хочешь вступить в их договор? Хочешь принять участие в их обществе? Обещаешь ли ты уважать честь, свободу и имущество твоих братьев? Обещаешь ли никогда не присваивать себе посредством насилия, обмана, ростовщичества и биржевой игры продукты и собственность другого? Обещаешь ли никогда не лгать и не обманывать, ни перед судом, ни в каких торговых сношениях? Ты можешь сказать да или нет.

Если скажешь нет, то ты дикарь. Ты отказался от общества людей и подозрителен. Ничто не защищает тебя. При малейшем оскорблении может тебя умертвить первый встречный, которого можно будет упрекнуть только в ненужной жестокости против дикого зверя.

Если же ты присягаешь этому договору, то ты принадлежишь обществу свободных людей. Вместе с тобой обязательство принимают все твои братья и обещают тебе верность, дружбу, помощь, готовность к услугам и общение. В случае нарушения договора с их или с твоей стороны, будь это вследствие беспечности, страсти или злого умысла, вы ответственны друг перед другом как за причиненный вред, так и за доставленную досаду и вызванную опасность; и эта ответственность может, смотря по степени и многократности нарушения договора, повести даже к исключению из общества и смертной казни»¹⁴¹.

4. Государство

I. Так как Прудон одобряет единственно только ту правовую норму, согласно которой все договоры должны быть исполняемы, он может признать также только одно правовое отношение, а именно правовое отношение сторон, заключающих договор. Он должен поэтому неизбежно отрицать государство, ибо оно существует в силу особенных правовых норм и, как принудительное правовое отношение, связывает и тех, которые никоим образом не обязались договорами. Таким образом, Прудон отрицает государство безусловно, без всякого ограничения пространством или временем; он считает его даже таким правовым отношением, которое в особенности противоречит справедливости.

«Управление людьми посредством людей есть рабство»¹⁴².

«Кто налагает на меня руку свою, чтобы повелевать мною, тот узурпатор и тиран: я считаю его своим врагом»¹⁴³. «Во всяком обществе насилие людей над людьми находится в обратном отношении к духовному развитию этого общества, и вероятная продолжительность этого насилия может быть вычислена на основании более или менее общего стремления к истинному, т.е. научному устройству»¹⁴⁴.

«Никакая монархия не законна. Она не может получить законности ни путем наследования, ни путем выбора, ни благодаря праву общей подачи голосов, ни благодаря превосходству правителя, ни в силу религиозной и традиционной святости. Всякое господство людей над людьми, в форме ли монархической, олигархической или демократической, представляет собой всегда автократию и в равной степени несправедливо и бессмысленно»¹⁴⁵. Особенно нужно принять к сведению то, что и «демократическая форма есть не что иное, как конституционный произвол, который следует за другим конституционным произволом; она не имеет никакого научного значения и может быть рассматриваема только как переходная ступень к единой, нераздельной республике»¹⁴⁶.

«Едва успел авторитет появиться на земле, как весь мир начал добиваться его. Авторитет, правительство, насилие, государство — все эти слова обозначают одно и то же — служили всякому средством для угнетения и эксплуатации своего ближнего. Авторитет был единственной целью, к которой был обращен взор любителей абсолютизма, а также доктринеров, демагогов и социалистов»¹⁴⁷. «Все партии без исключения, как скоро они начинают стремиться к власти, делаются только различными формами абсолютизма, и до тех пор не будет свободы для гражданина, порядка в обществе, единодушия среди рабочих, пока в нашем политическом катехизисе отказ от авторитета не заступит место веры в авторитет. Никаких партий, никаких авторитетов, только безусловная свобода людей и граждан: эти три слова содержат все мое политическое и социальное вероисповедание»¹⁴⁸.

II. Справедливость требует вместо государства дружественного общежития людей на основании правовой нормы, согласно которой все договоры должны быть исполнены.

Эту совместную жизнь Прудон называет «анархией»¹⁴⁹, а позднее «федерацией»¹⁵⁰; ¹⁵¹.

1. После уничтожения государства тоже должна существовать социальная жизнь людей. Уже в 1848 году Прудон говорил, что следует «установить систему совершенного равенства, в которой все современные учреждения за исключением собственности, т.е. злоупотребления ею, не только найдут свое место, но сами станут орудием равенства; именно свобода отдельного человека, разделение власти, государственная прокуратура, суд присяжных, разделение судебной и административной власти»¹⁵².

Но людей должна связывать в общество не какая-нибудь высшая власть, а единственно налагающая правовые обязательства сила договора. «Если я с одним или с несколькими своими согражданами веду переговоры насчет какого-нибудь предмета, то ясно, что для меня моя воля закон; когда я исполняю принятую на себя обязанность, я сам для себя правительство. Если бы я мог, следовательно, заключить со всеми такой договор, какой я заключаю с некоторыми, если бы все они могли бы обязать себя друг перед другом таким же образом, если бы образовались благодаря этим договорам группы граждан, общины, округа, провинции, которые имели бы силу юридического лица и, в свою очередь, соединились бы между собой на тех же основаниях, то это было бы то же самое, как если бы моя воля получила бесконечное повторение. Установленный таким образом закон, независимо от того, относительно какого предмета и по чьему предложению он был издан, будет всегда только моим законом; и если этот порядок вещей назывался бы правительством, то это было бы мое правительство. Как только договор вообще стал бы на место закона, мы имели бы истинное правительство людей и граждан, истинное народное главенство, республику»¹⁵³.

«В республике каждое мнение и каждая деятельность свободны; и именно благодаря разнообразию мнений и деятельностей народ мыслит и действует, как отдельный человек. В республике каждый гражданин делает только то, что он хочет, и подобно тому, как он принимает участие в производстве и обращении товаров, он участвует и в законодательстве и управлении. В ней каждый гражданин — король, ибо он имеет полную власть: он господствует и управляет. Республика — это позитивная анархия. В ней порядок не является господином свободы, как в конституционной монархии, ни тюрьмой для свободы, как при временном правительстве. В ней со свободы сняты все оковы, суеверия, предрассудки, ложные умозаключения, всякое воровство и насилие; свобода взаимна и безгранична; свобода не дочь, но мать порядка»¹⁵⁴.

2. Анархия нам может легко представиться «высшей степенью беспорядка и выражением хаоса. Рассказывают, что в Париже в семнадцатом столетии один гражданин, услышав, что в Венеции нет короля, не мог оправиться от своего удивления и чуть не умер со смеха. Наш предрассудок принадлежит сюда же»¹⁵⁵. В противоположность этому Прудон рисует картину того, как при анархии может развиваться социальная жизнь людей в ее частных проявлениях для того, чтобы удовлетворять всем тем задачам, которые исполняются теперь государством.

Он начинает свое описание примером: «Церковная власть была, согласно преданию, много столетий отделена от светской власти. Никогда, однако, не было полного разделения, и централизация поэтому, к великому вреду церковной власти, а также и верующих, никогда не была вполне достаточной. Полное разделение было бы тогда, если бы светская власть не

заботилась об обеде, о таинствах, об управлении церковными приходами и назначении епископов. Затем, централизация была бы больше и вследствие этого правление более упорядоченным, если бы народ во всяком приходе имел право сам избирать священника или вообще оставлять это место незанятым, если бы священники во всякой епархии сами себе выбирали епископа и если бы только собрание епископов выносило решения относительно духовных дел, относительно теологического обучения и церковной службы. Это разделение власти имело бы своим последствием то, что духовенство перестало бы быть в руках государства орудием тирании против народа. Введением же всеобщей подачи голосов церковное управление было бы внутри себя централизовано под влиянием народа, а не правительства или папы, и находилось бы в продолжительном согласии с потребностями общества, нравственным и духовным состоянием граждан. Если желательно, таким образом, возвращение к органической, экономической и социальной истине, то необходимо прежде всего устранить преумножение конституционной власти, отняв от государства право назначения епископов и отделивши раз навсегда церковную власть от светской. Во-вторых, необходимо централизовать церковь посредством системы постепенных выборов. В-третьих, в основание церковной власти, также и всех других государственных властей нужно положить всеобщее избирательное право. При такой системе то, что теперь называется правительством, представляло бы собой только правление. Вся Франция централизована в делах церкви. В силу своего избирательного права вся страна как в церковных, так и в светских делах управляет собой сама. Ясно, что если бы все дела страны могли быть таким образом управляемы, то установился бы совершеннейший порядок, сильнейшая централизация, причем не было бы ничего из того, что мы теперь называем общественным насилием или правительством»¹⁵⁶.

Свой второй пример Прудон берет из области судебной власти: «Судопроизводство со всеми его многочисленными подразделениями, своими рангами, своей несменяемостью, своим объединением под одним министерством имеет ясно выраженную особенность и необыкновенную склонность к централизации. Но оно совсем не находится в руках граждан, оно находится в полном распоряжении исполнительной власти и подчинено не стране посредством выборов, а правительству, т.е. президенту. Поэтому граждане находятся в таком же отношении к своим «естественным» судьям, как прихожане к своему пастырю; народ тоже наследственно принадлежит чиновникам, партия существует для судьи, а не судья для партии. Нужно только применить общее избирательное право и постепенную избирательную систему в судопроизводстве, как и в церковном управлении, устранить пожизненность должности, которая равносильна уничтожению права выборов, лишить государство всякого влияния на судебное сословие, и это само по себе централизованное сословие подчинить народу, и государственная власть будет лишена самого сильного своего средства для тирании, а правосудие будет служить свободе и порядку. И если нежелательно, чтобы народ, от которого при общей подаче голосов должна исходить всякая власть, встал в противоречие сам с собой и в церковных делах желал бы одного, а в мирских другого, то можно быть уверенным в том, что разделение властей не поведет к раздорам и что разделение и равновесие будут в будущем, наоборот, обозначать одно и то же»¹⁵⁷.

Затем Прудон касается войска и пошлины, забот о сельском хозяйстве и торговле, общественных работ, общественного воспитания и финансов, и для всех этих ведомств он требует самостоятельности и централизации на основании общего избирательного

права¹⁵⁸.

Чтобы народ мог обнаружить единство, он должен централизовать религию, правосудие, войска, земледелие, промышленность, торговлю и финансы, одним словом, все силы и все деятельности. Эта централизация должна произойти снизу вверх, с периферии к центру, и всякий род деятельности должен быть независим и иметь самостоятельное управление.

«Следует только объединить все эти ведомства в их представительствах; таким образом создается совет министров и этим самым исполнительная власть, помимо которой не нужен уже более никакой государственный совет.

«Над всем этим учреждается высшее судилище, законодательная власть или национальное собрание, которое непосредственно назначается страной и на котором не лежит обязанности назначать министров — это делает сама страна, — а проверять отчеты, издавать законы, определять бюджет и улаживать споры различных ведомств; все это оно делает, выслушав предварительно государственное министерство или министра внутренних дел, под ведомством которого находится в таком случае все управление. Таким образом, получается централизация, которая тем сильнее, чем больше у нее пунктов сосредоточия; так устанавливается ответственность, которая получает тем большее значение, чем строже разграничены власти друг от друга, и создается одновременно политический и социальный строй»¹⁵⁹.

5. Собственность

I. Так как Прудон признает единственно ту правовую норму, согласно которой договоры должны быть выполняемы, он может признать только одно правовое отношение, а именно правовое отношение между сторонами, заключающими договор. Поэтому он, подобно государству, должен отвергнуть также и собственность, которая существует благодаря особым правовым нормам, и, будучи несвободным правовым отношением, обязывает также и тех, которые совсем не обязали себя договором.

Он отвергает собственность совершенно, без всякого ограничения пространством или временем; даже более, она кажется ему таким правовым отношением, которое особенно противоречит справедливости.

По его мнению, «собственность есть право пользования и злоупотребления, т.е. безусловное и безответственное господство человека над самим собой и над своим имуществом. Если б собственность перестала быть правом злоупотребления, она перестала бы быть собственностью. Разве собственник не имеет права дарить свое богатство кому угодно, спокойно смотреть на пожар своего соседа, противиться общественному благу, промотать свое состояние, эксплуатировать и грабить рабочих, ставить плохой товар и нечестно его продавать? Разве судья может принудить его с пользой употреблять свое богатство и препятствовать ему злоупотреблять им? Разве не благодаря своему злоупотреблению вообще собственность представляет для законодателя содержание всякой святости? Можно разве представить себе вообще собственность, пользование которой регулировалось бы

полицейскими действиями, а злоупотребление ею полицейскими действиями же запрещалось бы? Не ясно ли, как божий день, что введение справедливости в собственность было бы разрушением собственности, точно так же, как закон, который ввел умеренность в конкубинат, этим самым уничтожил его?»¹⁶⁰

«Воровство производится, во-первых, воров на открытой дороге, во-вторых — в одиночку или шайкой, в-третьих — посредством взлома или проникновения, в-четвертых — посредством захвата, в-пятых — посредством злостного банкротства, в-шестых — посредством подделки частных или общественных бумаг, в-седьмых — посредством подделки монет; воруют, в-восьмых — посредством шулерства, в-девятых — посредством обмана, в-десятых — посредством мошенничества, в-одиннадцатых — во время игры и лотереи; воруют, в-двенадцатых — посредством ростовщичества; воруют, в-тринадцатых, обязывая других платить ренты, проценты, квартирный наем и аренду. В-четырнадцатых, воруют при торговле, когда выгода купца превышает плату за его труд; воруют, в-пятнадцатых, продавая слишком дорого свой товар, принимая синекуру или заставляя выдавать себе очень крупное жалованье»¹⁶¹. «При запрещении законом воровства открыто выступают насилие и хитрость; при допускаемом законом воровстве для того, чтобы обирать свои жертвы, они скрываются за накопленным богатством. Непосредственное применение насилия и хитрости было единогласно отвергнуто уже в старые времена, но ни один народ не дошел еще до того, чтобы освободиться от воровства, связанного с талантом, работой и обладанием»¹⁶². В этом смысле собственность есть «воровство»¹⁶³, «эксплуатация слабых сильными»¹⁶⁴, «противозаконие»¹⁶⁵, «общественное самоубийство»¹⁶⁶.

II. Справедливость требует вместо собственности такого распределения богатства, которое основано на той правовой норме, согласно которой договоры должны быть исполняемы.

Прудон называет собственностью ту частицу богатства, которая достается каждому по договору. В 1840 году он требовал замены собственности индивидуальным владением, чем должно быть на свете уничтожено зло¹⁶⁷. Но уже в 1841 году он объясняет, что под собственностью он понимает единственно лишь злоупотребление ею¹⁶⁸; он тогда же указывает на необходимость создания общественной системы, где найдут свое место право на торговлю и обмен, право наследования родственниками, право первородства, право завещания¹⁶⁹. В 1846 году он говорит: «В один прекрасный день преобразованная собственность станет положительной, совершенной, социальной и истинной идеей; новая собственность заступит место старой и будет одинаково для всех действительна и благодетельна»¹⁷⁰. В 1848 году он объясняет: «Собственность никогда не может исчезнуть, поскольку человеческая личность образует ее основание и содержание. Как постоянное побуждение к работе, как противник, без которого работа ослабела бы и исчезла, собственность должна жить в сердце человека»¹⁷¹. А в 1858 году он говорит: «То, чего я хотел еще в 1840 году, определяя понятие собственности, и чего я хочу еще и теперь, есть не разрушение собственности — мне уже надоело повторять это, да это, кроме того, означало бы, что вместе с Руссо, Платоном, также Луи Бланом и всеми другими противниками собственности я впадаю в коммунизм, от которого я себя охраняю со всею строгостью; то, чего я требую по отношению к собственности — есть равновесие»¹⁷², т.е. «справедливость»¹⁷³.

Во всех этих выражениях собственность означает не что иное, как частицу богатства, доставшуюся каждому человеку на основании договоров, на которых должно быть построено все общество¹⁷⁴. Собственность, которую Прудон признает, не может быть каким-нибудь особым правовым отношением, а только возможным содержанием единственного им допускаемого правового отношения, а именно отношения договора.

Если Прудон требует во имя справедливости известного распределения собственности, то это обозначает не что иное, как то, что договоры, на которых должно быть построено общество, в известной степени должны определять собою распределение богатств известным образом, а именно так, чтобы каждый человек имел полный доход от своей работы.

1. «Мы можем себе представить мир богатств как одну массу, связанную надолго химической силой, к которой беспрестанно примыкают новые элементы, соединенные между собой весьма разнообразно, но согласно известному закону. Ценность — это то отношение (мера), согласно которому каждый из этих элементов образует часть целого»¹⁷⁵. «Таким образом, я предполагаю такую силу, которая связывает между собой элементы мира богатств в определенные отношения и образует из них единое целое»¹⁷⁶. «Эта сила — труд. Труд и только труд производит все элементы мира богатств и законообразно связывает его молекулы включительно до самой последней в переменчивое, но определенное отношение»¹⁷⁷. «Каждый продукт выражает собой затраченную на него работу»¹⁷⁸.

«Каждый продукт может быть обменян только на другой продукт»¹⁷⁹. «Если портной может получить за свой рабочий день десять ткацких рабочих дней, то это все равно, что если бы ткач десять дней своей жизни отдал бы за один день жизни портного. Это такой же случай, как и тогда, когда крестьянин платит нотариусу двенадцать франков за один акт, который он написал в один час. Это неравенство, эта несправедливость в торговле и обмене есть виднейшая причина нищеты. Всякое нарушение справедливости при обмене означает, что рабочий принесен в жертву, что кровь одного человека перелита в тело другого»¹⁸⁰. «Я требую по отношению к собственности равновесия. Недаром дух народов снабдил справедливость этим оружием точности. Справедливость в ее применении к народному хозяйству в действительности не что иное, как вечное равновесие. Или, выражаясь точнее, справедливость при разделении богатств есть не что иное, как обязанность каждого гражданина и каждого общества в своих деловых отношениях всегда соотноситься с законом равновесия, которое обнаруживается повсюду в экономической жизни и из нарушения которого, будь оно случайное или умышленное, вытекает нищета»¹⁸¹.

2. Каждый человек должен пользоваться доходом со своей работы, согласно Прудону, только при установлении взаимности; поэтому Прудон называет свое учение «теорией мутуальности (*mutuum*)»¹⁸². «Взаимность находит свое выражение в следующем предписании: делай ближнему то, чего желаешь себе; народная экономика дала этому правилу свою известную формулу: продукты обмениваются на продукты. Все зло, которое нас губит, происходит оттого, что закон взаимности забыт и нарушен. Целительное средство может дать только провозглашение этого закона. Организация наших взаимных отношений — вот в чем состоит вся тайна социальной науки»¹⁸³.

В своем пламенном заявлении, которое Прудон предпосылает общественному договору о народном банке при его обнародовании, он говорит: «Я утверждаю, что в моей критике собственности или скорее совокупности учреждений, ядро которых составляет собственность, я никогда не имел намерения затрагивать приобретенные права, или оспаривать какое-нибудь право на владение, или требовать произвольного разделения богатств, или противодействовать свободному и правильному приобретению собственности посредством купли и обмена; я также никогда не желал того, чтобы государство запретило или уничтожило ипотеки или процент с капитала. Я держусь того мнения, что эти проявления человеческой деятельности должны быть предоставлены свободному желанию каждого; они вовсе не должны быть изменены, приостановлены или подавлены при помощи таких средств, которые не вытекают бы сами по себе и с необходимостью из общего применения установленного мною синтетического закона взаимности. В этом мое последнее желание; только тот, кто способен лгать пред лицом смерти, может сомневаться в моей искренности»¹⁸⁴.

6. Осуществление

Требуемая справедливостью перемена должна совершиться так, чтобы люди, которые познали истину, убедили бы других в том, что эта перемена необходима ради справедливости и чтобы таким путем само собой преобразовалось право, исчезли государство и собственность и наступил новый строй. Новый строй наступит, «как только эта идея начнет распространяться»¹⁸⁵; для того, чтобы он наступил, мы должны «распространять эту идею»¹⁸⁶.

I. Необходимо только убеждать людей в том, что справедливость требует перемены.

1. Прудон считает всякий другой путь негодным. Его учение находится «в согласии со строем и законами»¹⁸⁷. «Нас призывают сначала к революции, просвещение же придет само собой. Но ведь революция есть не что иное, как просвещение умов!»¹⁸⁸ «Золотокопатели, которые недавно очутились в Калифорнии, находились, быть может, в печальном положении, будучи вынуждены кровопролитием добыть себе права; нас же пусть счастье Франции хранит от этого!»¹⁸⁹ «Несмотря на насилия, свидетелями которых мы бываем, я не верю, чтобы в один прекрасный день свобода для достижения своих прав и ради мести за причиненное оскорбление должна будет употребить насилие. Разум окажет нам лучшие услуги; терпение, равно как и революция, непреодолимы»¹⁹⁰.

2. Как же нам убедить людей, «как сделать распространенной идею, раз буржуазия борется с нами, раз вследствие рабства оглупевший народ со своими предрассудками и злыми намерениями остается равнодушным, когда кафедра, академия и пресса клеветают на нас, суды свирепствуют против нас, правительство связывает нам язык? Мы можем быть спокойны. Подобно тому, как вследствие недостатка в идеях не удаются самые лучшие предприятия, так, с другой стороны, борьба против идей только способствует скорейшему росту революции. Кто не видит того, что состояние опекуинства, неравенства, привилегированности, государственной мудрости и вечного блаженства сделалось для господствующих классов, совесть и разум которых оно мучает, еще более несносным, чем

для черни, которая терпит от этого голод?»¹⁹¹

3. Самое лучшее средство для того, чтобы убедить людей, согласно Прудону, заключается в том, чтобы показать народу в государстве, не нарушая его прав, «пример свободной, независимой и всесторонней централизации» и тогда же дать применение основным принципам будущего общественного устройства¹⁹². «Это кладет начало общественной деятельности, без которой народ всегда томится в бедности и бесплодно мучается, и учит его без правительственной помощи создать себе благосостояние и порядок»¹⁹³.

Дать такой пример Прудон думал основанием народного банка¹⁹⁴.

Народный банк должен был организовать производителей одновременно, как начальный и конечный пункт производства, как капиталистов и как потребителей, и этим самым обеспечить для всех труд и благосостояние¹⁹⁵.

«Народный банк должен быть собственностью всех граждан, которые пользовались бы его услугами, которые внесли бы, может быть, в него деньги, — полагая, что он нуждается на некоторое время в основном капитале, — и, во всяком случае, обязались бы преимущественно в этом банке учитывать векселя и брать в уплату его чеки. Таким образом, народный банк должен работать в пользу своих собственных участников и не брать процентов ни за ссуду, ни за дисконтировку векселей. Он должен взимать небольшое возмездие для покрытия расходов и на жалованье служащим. Кредит должен быть беспроцентный; раз этот основной закон был бы осуществлен, отсюда вытекли бы бесчисленные результаты»¹⁹⁶.

«Таким образом, народный банк был бы примером самостоятельного проявления народа; он показал бы, что правление и хозяйство синтетически соединены в руках народа, и стал бы, таким образом, для пролетариата одновременно путеводной звездой и орудием освобождения. Он создал бы политическую и экономическую свободу. И так как всякая философия и всякая религия есть метафизическое или символическое выражение народного хозяйства, то и народный банк произвел бы посредством изменения материального фундамента общества философскую и религиозную революцию: так по крайней мере представляли его себе его основатели»¹⁹⁷.

Все это делается ясным при изложении некоторых статуты из общественного договора о народном банке.

«Статья 1. Основывается торговое общество под именем Общества народного банка. Членами состоят: присутствующий гражданин Прудон и те лица, которые приобретением акций подчиняются следующим положениям.

Статья 3... Это — коммандитное общество; ответственный член — гражданин Прудон; другие соучастники — только акционеры, и их ответственность ни в коем случае не превышает стоимости их акций.

Статья 5... Фирма называется: Пьер-Жозеф Прудон и Компания.

Статья 6. Кроме членов самого торгового общества, каждый гражданин может вступить в народный банк в качестве сотрудника. Для этой цели он должен подчиниться законам банка и признать его чеки.

Статья 7. Так как народный банк способен к неограниченному распространению, то и его возможная продолжительность также неограниченна. Принимая, однако, во внимание законные постановления, продолжительность этого банка определяется на девяносто девять лет со дня его окончательного учреждения.

Статья 9. Народный банк имеет своим необходимым основанием беспроцентный кредит и беспроцентный обмен, предметом своей деятельности не производство, а обмен ценностей, средством же — единогласие производителей и потребителей. Он может и должен поэтому работать без капитала.

Эта цель будет достигнута, как только все производители и потребители подчинятся уставу общества.

Пока же народный банк должен, принимая во внимание обычаи торговых приемов и законные предписания и с целью наиболее легкого приобретения участников, образовать капитал.

Статья 10. Капитал банка состоит из пяти миллионов франков и распределен на один миллион акций по пяти франков каждая.

...Общество окончательно образовано и вступает в действие, как только будут подписаны десять тысяч акций.

Статья 12. Выдача акций совершается *al pari*; акции не приносят процентов.

Статья 15. Главнейшие дела народного банка: 1) увеличение капиталов кассы посредством выдачи чеков; 2) учет коммерческих бумаг за двумя подписями; 3) учет комиссий и фактур; 4) выдача под залог; 5) бланковой кредит под поручительство; 6) заем под ренты и ипотеки; 7) платежи и покрытия; 8) коммандитное участие. К этому прибавляются: 9) сберегательный, вспомогательный и пенсионные кассы; 10) страхования; 11) сохранение вкладов; 12) составление баланса.

Статья 18. В то время, как обыкновенные банковские бумаги оплачиваются деньгами, бумаги народного банка являются долгосрочными переводными расписками на общество; всякий член общества или сотрудник должен платить за них по предъявлении продуктами своего производства или ремесла.

Статья 21. Каждый сотрудник обязан всякую свою потребность удовлетворять преимущественно, поскольку она может быть удовлетворена обществом при помощи других сотрудников, и делать поручения тоже исключительно членам и сотрудникам общества.

Наоборот, свой товар он обязан уступать каждому производителю или торговцу, принимающему участие в обществе и другим сотрудникам за умеренную цену

Статья 62.

Народный банк свою главную контору имеет в Париже.

Он стремится постепенно установить в каждой префектуре другую контору, а в каждой общине иметь своего представителя.

Статья 63. Как только все это будет выполнено, произойдет превращение общества в акционерное общество, причем эта форма делает возможным осуществление в духе основателей, во-первых, выбора должностных лиц, во-вторых, разделения и независимости должностей и в-третьих, личной ответственности каждого из участников»¹⁹⁸.

II. Раз только люди убедились, что справедливость требует переворота, «деспотизм падет сам собой вследствие своей бессодержательности»¹⁹⁹. Государство и собственность уничтожаются, право преобразовывается, и наступает новый строй.

«Революция не поступает согласно старым аристократическим и династическим основоположениям. Она есть право, баланс сил, равенство. Не ее это дело приобретать страны, поработать народы, защищать границы, строить крепости, содержать войска, пожинать лавры, принимать участие в европейском концерте. Сила ее экономических учреждений, безвозмездность ее кредита, великолепие ее идеи достаточны для того, чтобы мир направить на истинный путь»²⁰⁰. «Революция имеет своими союзниками всех угнетенных и эксплуатируемых; она должна только явиться, а вселенная раскроет ей свои объятия»²⁰¹.

«Я хочу мирной революции. Осуществление моих требований должно предоставить в ваше распоряжение те учреждения, отмены которых я требую, а также и те правовые основоположения, восстановление которых лежит на ваших плечах. Поэтому новое общество должно быть свободным, естественным и необходимым развитием старого, и революция означает не только уничтожение прежнего порядка, но и его усовершенствование»²⁰². «Если народ познал свое собственное благо и решил произвести не только реформу правления, но и революцию в обществе²⁰³, то «крушение правления в экономическом организме»²⁰⁴ произойдет в такой форме и таким образом, о которых в настоящее время можно высказывать только догадки²⁰⁵.

Версия #1

Зверобой создал 19 апреля 2025 02:05:46

Зверобой обновил 19 апреля 2025 02:09:00